

АМОРАЛЬНОЕ ПРАВО?

*Конституционное и муниципальное право. 2008, № 20. С. 16-18;
Новая газета №62, 25 августа 2008;
<http://specletter.com/independence-judgement/2008-08>;
Советская Россия, 11 сентября 2008*

Когда Ольга Романова - бывшая ведущая новостных передач REN-TV, буквально выдавленная с телеканала за собственную журналистскую позицию и «критику системы» с отчаяньем воскликнула с экрана: «Я не понимаю, почему в России не действуют российские законы!» - я задумалась. Действительно, почему сей общеизвестный факт только лишь констатируется всеми нами, но никто всерьез не пытается если не найти выход из ситуации, то хотя бы выявить причины печального явления?

А ведь проблема далеко не нова. Еще в XIX веке поэт-юморист Б.Н.Алмазов вложил в уста известного славянофила К.С.Аксакова такое стихотворение:

*По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадием сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...*

Речь здесь идет о правовом нигилизме как об особенности традиционного российского правосознания. По мнению американского ученого А.Валицкого, «право в России отвергалось по самым разным причинам: во имя самодержавия или анархии, во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или материального равенства». Современные западные исследователи правовой системы России тоже выделяют правовой нигилизм как одну из основ для ее понимания. Так ли это на самом деле? Действительно ли «узкие формы юридических начал» отрицаются населением нашей страны? Правда ли, что «отсутствие здравого юридического смысла» исконно присуще евразийскому суперэтносу?

Конечно, во всех этих размышлениях есть свое рациональное зерно. Другой вопрос, с какой позиции рассматривать данную проблему. Что такое российский правовой нигилизм - это некий неоспоримый генетический изъян или исторически сложившаяся черта народного сопротивления тем правовым нормам, которые для него неприемлемы? Или это все же проблема соотношения права и морали в России. Ведь «идеал правды» есть не что иное, как совокупность моральных норм, которые являются краеугольным камнем в фундаменте правовой системы, если мы хотим, чтобы эта система работала. Поэт Алмазов был, безусловно, прав в том, что идеал нашей правды не влезает в узкие формы юридических начал. Потому что на Руси Правда и Справедливость всегда были выше закона. Ведь не случайно первый русский письменный свод законов, составленный из народных правовых обычаев, назывался «Русская Правда».

Закон в России – не предмет идолопоклонства и таковым никогда не был. Отечественному правосознанию меньше всего подходит латинское выражение «*dura lex sed lex*» - «закон суров, но это закон», потому что любой закон в душе каждого русского человека всегда подвергается проверке на прочность по принципу «правильно-неправильно», «справедливо-несправедливо». Такое отношение к закону с удивительным постоянством воспитывается самим государством, принимающим законы, противоречащие не только национальному, но и общечеловеческому правопониманию и создающие ситуацию, при которой юридические и физические лица вынуждены обходить закон, чтобы выжить. Естественно, что если в законе заложена несправедливость, он не только не будет исполняться, но создаст условия для формирования еще большего неуважения к закону.

То есть, признавая юридическую форму, мы постоянно сомневаемся в ее содержании. Можно ли это назвать правовым нигилизмом? В определенной степени – да. Это - очень своеобразный, однобокий смысловой или содержательный нигилизм. Но поскольку содержание в России всегда превалирует над формой, отрицание духа закона нередко переносится на его

форму. В качестве доказательства можно привести еще целый ряд пословиц и поговорок из сборника В.Даля: «хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили»; «на правду суда нет» и многие другие. И хотя данные примеры взяты из народного фольклора, но устами фольклора всегда глаголит общественное мнение.

Своеобразное отношение к закону не миновало и представителей юридической профессии, которые, следуя букве закона, зачастую не согласны с его духом и считают признаком высочайшего мастерства умение закон обойти. Таким образом, по отношению к закону мы находимся в состоянии своеобразной раздвоенности. Закон и правда в нашей стране существуют независимо друг от друга, даже тогда, когда они не противоречат друг другу.

К сожалению, большинству руководителей страны на различных этапах ее развития такая мысль вообще не приходила в голову. По мнению Императора Александра I «хорошие законы и учреждения нужнее и надежнее хороших людей, которые всегда - только счастливые случайности. Коль скоро явятся хорошие законы и учреждения, то всякие люди будут вести себя хорошо»¹. Аналогичным образом, по-видимому, мыслят многие современные реформаторы, действующие по принципу «принято – извольте исполнять».

Только-только начали россияне учиться свободно выбирать, только почувствовали свою реальную причастность к деятельности государства, как сразу отменили выборность губернаторов, порог явки, графу «против всех», разрешили переписывать протоколы и удалять наблюдателей с избирательных участков. Потому что очень неуютно почувствовали себя выборные под недремлющим народным оком – как во дворце со стеклянными стенами – нельзя творить все, что заблагорассудится. Справедливо? Нет, несправедливо. По правде? Да нет, конечно.

¹ Цит. по: *Ключевский В.О.* Новейшая история Западной Европы в связи с историей России (конспект). 3-я тетрадь. \ \ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 291.

Или введенное законом искусственное регулирование численности политических партий – что-то много, типа, «развелось» оппозиции. Хотя мировая практика убедительно доказывает, что переход от однопартийной системы к нормальной многопартийности обязательно включает в себя период так называемой «полипартийности». Надо просто немного подождать и все разрешится само собой. Но терпения не хватает, потому что критикуют ведь. Или конституционный запрет на цезуру, аннулированный на деле «четверговыми» совещаниями руководителей СМИ в Администрации Президента (опять-таки, чтобы не критиковали) - это деловое обыкновение оказалось источником права посильнее конституционной нормы. Но с точки зрения народа все это несправедливо, и, следовательно, неправильно.

Или самый простой и обыденный пример – правила дорожного движения, утвержденные федеральным законом. Кто из автомобилистов не напарывался на абсолютно пустой трассе в лесу в месте, где знаки и дорожная разметка абсолютно не обоснованы, на спрятавшихся в кустах сотрудников ГАИ с радаром? Будет ли водитель соблюдать в этом случае правила? Да не, конечно! Он просто обзаведется антирадаром, вычислит «западню» и объедет ее без приключений.

Поэтому изначально российский правовой нигилизм обусловлен органической невозможностью общества принять ряд правовых реформ или дурацких установлений, реализация которых наталкивается на чрезвычайно стойкое общественное неповиновение. Это неповиновение выражается не столько в форме открытого протеста, сколько в упорном отстаивании традиционно российских представлений о том, «как должно быть». И в этом нет ничего плохого, как бы ни осуждали российскую ортодоксальность те, кому не дано понять ее природы. Поскольку только *«живое правосознание»* народа дает государственной форме осуществление, жизнь, силу; так что государственная форма *зависит, прежде всего, от уровня народного правосознания*, от исторического, нажитого народом

политического опыта, от силы его воли и от его национального характера», - писал выдающийся русский философ и правовед И.А.Ильин².

В 50-х годах прошлого века А.И.Герцен так охарактеризовал правовое состояние русского общества: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины законов научила его ненавидеть другую; он подчинялся им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он не был, обходит и нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно также поступает правительство»³. Написано как будто вчера...

Итак, оценка закона населением России происходит, в первую очередь, на основе критериев добра зла справедливости и совести, долга, чести и достоинства, то есть с точки зрения моральных воззрений. С этим ничего не поделаешь. Это та безусловная данность, с которой придется считаться тем политикам, которые, я, надеюсь, когда-нибудь все же придут к выводу о том, что вводить правовое регулирование по принципу «принято – извольте исполнять» бесполезно, если эти нормы не обеспечены поддержкой и пониманием народа. Все равно они не будут реализовываться должным образом.

Но ведь тем и отличается мораль от права, что правовое регулирование едино, а мораль в обществе может быть разная. И хотя одним из постулатов правовой науки является положение о том, том, что право опирается на моральные нормы, что эти два основных регулятора общественных отношений взаимосвязаны и взаимозависимы, право (еще по одному основополагающему определению) – есть возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой обусловлено его моральными представлениями. Получается, что если правовые нормы не воспринимаются основным населением страны то принимающий их «господствующий» класс

² Ильин И.А. Наши задачи \ \ Ильин И.А. Собр. соч. М., 1993. Т.2. С. 47.

³ Герцен А.И. Собр. соч. Т.7. М., 1956. С. 231.

имеет мораль, отличную от морали большинства и по существу в глазах этого большинства и сам класс, и его право аморальны с позиции большинства.

То есть, как обычно и водится в нашей стране, люди отдельно, власть отдельно.

Не знали, что народ выйдет на улицы после вступления в силу закона о монетизации льгот? Это потому, что для одних вполне нормально с моральной точки зрения загонять народ в социальный тупик, безработицу и нищету, а потом отбирать те жалкие крохи, которые хоть как-то позволяют ему в этих условиях существовать. Не жить, а именно существовать. Вполне нормально для одних устанавливать минимальный размер оплаты труда значительно ниже прожиточного минимума, предоставлять единицам возможность распоряжаться природными ресурсами богатейшей страны, покупать на заработки от этого распоряжения футбольные клубы и яхты, в то время как дети в сельских школах падают в голодные обмороки. Вполне нормально говорить о народе-суверене, кричать о народовластии, а на деле сводить механизмы этого самого народовластия к нулю, принимая законы, по которым нельзя провести референдум и обеспечить нормальный и справедливый подсчет голосов на выборах. Но для других-то это все аморально, безнравственно.

Жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. В том числе и отечественной бюрократии. Как бы она не пыжилась представить себя олицетворением всего общества, она только его часть. Значительная (увы!), но даже не самая большая. Когда государство начинает примеривать венец единственного хранителя общего единства, компромисс резко нарушается и группа, волею судеб оказавшаяся в данный момент у власти, начинает навязывать свои представления и ценности в качестве универсальных и единственно верных.

Стремление государства превратить себя в высшую ценность буквально бросают его в атаку на существующие моральные ценности. Однако если эта атака оказывается слишком успешной, то **оборачивается деморализацией «подданных» и быстро приводит к результату, прямо противоположному тому, на который рассчитывали теоретики предлагаемой модели - к ослаблению государственного аппарата, просто-напросто повисающего в пустоте⁴.**

Так госаппарат быстренько соберет в себе и вокруг себя наиболее аморальную часть населения, то есть тех, для кого всякая там этика, непреходящие ценности какие-то - звук пустой, оттого они и способны перестроиться мгновенно, стоит только высшему начальству объявить черное белым и зло добром. И даже если высшее начальство действительно прозорливо и действительно объявляет благом благо, но при этом чрезмерно усердствует, вколачивая обновленную истину в головы подданных, оно все равно быстро концентрирует вокруг себя подонков и становится их заложником, а благо в результате выворачивается наизнанку.

Когда этот процесс достигает катастрофической интенсивности, государству - если оно вообще успевает спастись - приходится забывать показавшиеся столь полезными и удобными законы и вновь идти на поводу у культуры. Иначе не зашпаклевать зазор между теоретически предписанным и практически осуществляемым поведением, всегда являющийся питательным каналом коррупции.

И.А.Ильин писал: «Итак, будущее русского государства преподносится нам, как форма порядка жизни не просто авторитетно предписанная, но *принятая живым правосознанием возможно большего числа русских граждан*. В этом мы в противоположность формальной культуре права, свойственной западу, верны заветам христианства, связующего все внутренней жизнью духа и выращивающего все из этой

⁴ См. подробнее: *Завершинский К.Ф.* Мораль и право в ценностном пространстве «настоящих русских вопросов». – Вестник Новгородского государственного университета. 1998. № 4.

внутренней жизни»⁵. Думается, что к этому высказыванию Ильина трудно что-либо добавить.

⁵ *Ильин И.А.* Основы государственного устройства. Проект Основного Закона России. М., 1996. С. 48.